

перетекать в те практики, представления, персоны, которые, по крайней мере в общественном мнении, дают ей выход на сакральное измерение.

Власть в силу инстинкта самосохранения неизбежно обращается к мифу, чуду и принципу веры, к обожествлению социального в противовес десакрализирующей рациональности, поскольку крушению любого режима и любой теории предшествует потеря ими своей сакральности. Революции, научные и общественные, лишь придают очевидность этому факту. И, например, любые метафоры конспирологии, «общественных сетей» есть лишь попытка восполнить место, освобожденное профанизированными и дискредитированными структурами, такими как партии, выборы, референдумы, демонстрации и т.п.

Но что может стать более легитимным в современной политике, чем демократия и ее институты? Без проектов новых утопий в принципе невозможно выйти за пределы демократической парадигмы. Очевидно, что легитимации властных решений авторитетом Разума недостаточно в имманентном им пространстве рационального, поскольку то, что легитимирует, полностью вписывается в пространство легитимируемого, представляя обычную тавтологию. Таким образом, и наука, и рациональные идеологии Нового времени недостаточны для легитимации власти. Теряя свою двойственность, принадлежность и к профанному, и к сакральному, прежняя власть перестает быть таковой, освобождая место чему-то новому.

Пост-Модерн как ситуация и состояние мышления

Актуальный постмодернизм как «состояние» политического знания и «ситуация» политического мышления связан с осмыслением и продуцированием политического поля как трансидеологического, то есть вышедшего за пределы

идеологий, когда в отсутствие универсальных нормативных критериев истины в картине мира находится место любому дискурсу. Постмодернизм обеспечивает избыток означающих возможность любой интерпретации любых концептов. Постмодернизм – это состояние внезапной отмены правил политической игры, отсутствие иерархии и соревновательности, где каждый приобретает право на свою политическую истину, но никто уже не в состоянии сделать ее всеобщей, то есть нормативной. Таким образом, власть не способна подчинить себе знание через универсальную норму.

Если неомарксизм (Франкфуртская школа, французские структуралисты) еще был связан с критической теорией и политической борьбой, то постмодернизм рисует ситуацию ухода идеи революции в политическое бессознательное. Эффективность современной революции уже не связана с насилием и «раскачкой холодных масс». Пост-Модерн понимает революцию прежде всего как противостояние тотализирующей целостности Модерна (в онтологическом плане ассоциируемое с демократией и капитализмом), через деконструкцию легитимирующих его онтологических оснований («метарассказов», в терминологии Лиотара¹). Постмодернизм сам по себе есть именно ситуация и состояние конца идеологического, ситуация профанации Модерна, но вовсе не некий новый концепт.

Наоборот, это состояние отсутствия доминирования в политике нового эффективного концепта, универсального базового ядра ценностей, структурирующего новую систему ценностей, связанную с какими-либо значимыми трансцендентными и онтологическими объектами. Обретение такой опоры будет связано скорее всего с осмыслением трансформации парадигм политического как идеологического. Постмодернизм в кризисной ситуации

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998. С. 7.

просто симулирует, то есть воскрешает давно исчерпанные, реализованные и «овеществленные» ценности Модерна, организуя для них нечто вроде «последития».

С точки зрения психологии, дискурс «постсовременности» характеризуется преобладанием расколотого (шизоидного) типа мышления, связанного с множественностью параллельных интерпретаций одних и тех же явлений. Причем эти интерпретации никак не ранжируются и не дифференцируются, так как отсутствует общий тотально «идеологический» критерий оценки. Они просто сосуществуют. И это сосуществование, само – переходно-промежуточное состояние сознания, мыслится для субъекта как естественное. Состояние пост-Модерна связано с преодолением зависимости идей от наличного политического существа, идейным развеществлением Модерна.

Свобода и освобождение

Проблема выхода на принципиальные вопросы, занятие «не-позиции» (Ж. Деррида) в системе или внесистемной позиции, в настоящее время недостижимы в обществе потребления из-за утраты энергии изменений в целом. Система не столько сопротивляется возможности своей трансформации, сколько лишает политических субъектов способности (своего рода «политического либидо») их производить, то есть конструировать, а тем более переводить в план действия утопические идеалы, взрывающие политическое статус-кво демократии. Проблема состоит не в знании/незнании некой истины, которая нереализуема в рамках данной политической системы, а лишь обусловлена отношением к свободе.

В описываемой системе выбор не связан с осуществлением политической воли. Он вообще не является активным проявлением субъекта как такового, но лишь рефлексом на внешние требования системы, отвечающим на сти-

мулы в соответствии с извне сформулированными ценностными ориентирами и повесткой дня. Но свобода не может быть только теоретической конструкцией, иначе она превращается в симуляцию. Она всегда должна доказывать свое присутствие в политической практике в ходе взаимодействия, коммуникации субъектов, в которой проявляется политическая воля как эквивалент энергии. При этом энергия политической деятельности всегда связана с тратой, с неравновесностью. Этим она отличается от безвольного функционирования процессов и машин в предзаданной плоскости с известным результатом. Цель любой самотождественной политической системы состоит в «отводе» социальной энергии, будь то зрелища для масс или избыток их досуга. Практика революций и террора показывает, что привести в неравновесное состояние самотождественную систему можно только с помощью энергии катастрофы, которая способна не только побудить систему к изменениям в целом, но и вызвать гибельную для системы цепную реакцию.

Свобода как практика питается энергией освобождения, но любое освобождение способно обернуться как добром, так и злом. Как замечает С. Жижек: «Действительная свобода» означает, что акт действительного изменения этого набора совершается только тогда, когда в ситуации вынужденного выбора человек действует так, как если бы выбор не был вынужденным, и «выбирает невозможное»¹. То есть подлинный выбор связан не с «выбором в очерченных координатах», а с «выбором самих координат», свободой выбирать между «выбором выбора или невыбора»². Проявлением свободы является в том числе и

¹ *Жижек С.* Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? / Пер. с англ. А.Смирнова. [WWW – document] // URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_09.htm

² *Половинкин С.М.* Все // Вопросы философии, 2002. № 4. С. 41.

отказ от нее во имя других ценностей. Выбор субъекта, связанный с самоограничением, аскезой не отменяет свободы субъекта, не ограничивает ее степень, но является *реализацией его свободы*.

Постсоветская Россия в полной мере продемонстрировала торжество «негативной свободы» как самоцели, высшего блага, противопоставленного в качестве новой легитимирующей мифологемы всем прочим политическим ценностям. Причем результаты либеральных реформ дали хорошо прочувствовать, что политическая свобода является вторичным, синтетическим благом, которое может быть актуализировано лишь тогда, когда человек имеет доступ к действительно первичным и реальным благам – жилью, работе, безопасности, доступу к образованию и здравоохранению.

В процессе освобождения исчезают прежние роли, идентичности, различия. Возникает новый круг проблем самоопределения после освобождения. Старые ценностные и аксиологические координаты уже не релевантны, новые еще не найдены. *На свободу всегда указывает возможность борьбы за истину, но не обладание истиной*. Тотальная ситуация мышления в обществе потребления делает невозможным отказ от предопределенного выбора, отказ от его формализованных альтернатив, когда, например, не выбирается ничего, меняются сами условия выбора, вводятся новые альтернативы или же выбирается и то, и иное. Подобная замкнутая на себя система разрушается реальной свободой, функционирующей на практике как освобождение, как условие любых политических изменений, всегда указывающей на конфликты, некое противоречие возможного и действительного. Французский рекламист пишет об этом: «Опросы общественного мнения определяют политику, тесты определяют стиль рекламы, анкетирование определяет выбор музыки для радио, результаты sneak previews

[пробных просмотров] определяют развязку фильма, телеметрия определяет содержание программ ТВ... Однако тестомания и есть залог косности, отречения от свободы»¹.

Здесь предопределен даже «свободный» выбор, эта фундаментальная ценностно-практическая форма свободы в обществе потребления. И если речь все еще идет о свободе, то освобождение связано с радикальным отказом: потреблять/не потреблять. Речь идет прежде всего о феномене престижного потребления, в который втягивается почти все общество. Сами профессионалы манипуляцией свободой выбора откровенно предупреждают: «В моей профессии (реклама, PR) никто не желает вам счастья. Ведь счастливые люди – не потребляют»².

Освобождение предстает как потеря сущности и цели в пользу существования и движения. Освобождение есть отказ от своей оригинальности, неповторимости, невоспроизводимости, любой специфики в пользу универсальной, всеобщей обмениваемости. То есть отчуждение абсолютно: отчуждается, покупается, обменивается и опредмечивается абсолютно все: ценности, идеи, люди, бессознательное, история. Товаром может стать все. Прототипом этой формы служит экономический обмен капитализма в чистой форме, распространяемый на любые процессы. Освобождение ставит проблему новой идентичности. Но есть ли смысл выбирать что-то, когда можно «выбрать все сразу». Идентичность становится контекстуальной, ситуативной, то есть фактически исчезает. Остается лишь чистая игра политических знаков, игра масок, игра в отличия. Но Освобождение всегда освобождает и проклятую сторону вещей. Пользуясь терминологией К.-Г. Юнга, проклятую сторону вещей можно соотнести с концептом «Тени», теми сторонами души, которые подвергаются вытеснению в бессознательное

¹ Бегбедер Ф. 99 франков. М.: Иностранка, 2002. С. 41.

² Там же. С. 18.

и оттуда в превращенной форме воздействуют на расколотую личность¹.

Навязчивость освобождения, доведение его до логического «неестественного» предела указывает лишь на то, что освобождение является не целью, а функцией психологической гиперкомпенсации освобождающегося субъекта: того, кто освобождает, и того, кого освобождают. Однако политическое освобождение часто обманчиво: «...постколониальные исследования переводят ее (проблему постколониализма) в мультикультуралистскую проблематику права колонизированных меньшинств “описывать” собственный опыт жертвы, действие властных механизмов, подавляющих “различия”, так что к концу дня мы знаем, что корень постколониальной эксплуатации в нашей нетерпимости к Другому и, более того, что сама эта нетерпимость укоренена в нашей нетерпимости к “чужому в нас самих”, в нашей неспособности столкнуться с тем, что мы подавили в себе же; политико-экономическая борьба, таким образом, незаметно принимает форму псевдопсихоаналитической драмы субъекта, неспособного столкнуться со своей внутренней травмой... Неумеренное политкорректное рвение подавляющего большинства сегодняшних “радикальных” университетских преподавателей, когда они *имеют* дело с сексизмом, расизмом, потогонками третьего мира и т.д., представляет собой, таким образом, защиту от собственной внутренней идентификации, своеобразный навязчивый ритуал, скрытая логика которого такова: давайте как можно больше говорить о необходимости радикальных перемен, и тогда на самом деле ничего не изменится!»².

¹ Юнг К.-Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

² Жижек С. Право на истину // 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем, 2003. С. 23-24.

Действительно, может быть борьба за внешние свободы проистекает из внутреннего чувства несвободы, субъективно ощущаемого самоотчуждения, боязни и страха быть самим собой? Ведь самим собой можно стать только приобретя полноту, «Самость», приемля все стороны своей души, не отрекаясь от них. *Общество потребления характеризуется отсутствием трансцендентных ценностей и целей. Это общество без будущего, без утопии. Потребителю просто скучно жить.* Скука фактически тождественна смерти, «депрессивной десемантизации», обесцвечиванию внешнего и внутреннего мира. Потребление выступает субститутутом ощущения жизни, непрерывные развлечения необходимы, чтобы забыть депрессию. Бросается в глаза какая-то фундаментальная неустроенность, тоска, потерянности, нарушенное энергетическое равновесие микро- и макрокосмов, замыкание микрокосма человека в себе, его дез-энергизация. Чтобы удостовериться в том, что еще жив, человек ощущает потребность в постоянной энергетической подзарядке извне, стимуляции воли к жизни с помощью информации, потребления, развлечений, наркотиков, экстрима и т.п.

Структурным антагонистом освобождения является власть. Сама по себе власть не может быть монополизирована кем-либо. Подобное утверждение может относиться только к структурам и институтам власти. Власть всеобща и универсальна, поэтому властью не обладают, но принимают участие в ее осуществлении, обладая политической волей, направленной к определенной цели. Участие это может быть как сознательным, так и неосознанным. Любое политическое действие властно, различия здесь лишь в степени этой властности. Власть вручается политическому субъекту его собственной волей.

Изначальный вход в публичную политику связан либо с принятием своей политической субъектности и, соот-

ответственно, властности, либо с уклонением от нее. Универсальная тактика господствующего дискурса власти связана с устранением конкурентов от власти по их собственной воле и в их же собственном представлении, в том числе с моралистико-софистическими доводами в пользу того, что власть есть зло и аморальность, а политика «грязное дело», недостойное приличных людей. Суть современного рекламного метарегулирования политики состоит в том, что доверие проявляется к самим усилиям власти, а не формируется по мотивам реальных результатов ее действий, то есть реальной способности власти изменять политическую реальность (означаемое).

Но свобода и освобождение – не одно и то же. Освобождение легко превращается в закабаление через «спонтанность» желания, оборачиваясь лишь сменой форм контроля. Поэтому имеет смысл говорить только о радикальном освобождении, которое, уничтожая запреты, стандарты, стереотипы, уничтожает одновременно и желание, вырвавшееся как из их удовлетворения, так и нарушения. То есть, вылечить общество можно только поставив его на грань жизни и смерти, через смертельную болезнь, которая как ничто провоцирует волю к жизни, отход от ставшей для общества губительной нормы.

Сильнее «нормального» желания может быть только эсхатология спасения, где желание становится запредельным всему нормальному, Норме как таковой. Общества, цивилизации, этносы часто погибают именно потому, что сталкиваются с недостаточно катастрофичными для себя проблемами, а настоящие катастрофы приходят тогда, когда здоровый иммунитет уже потерян – ситуация имплозии масс, угасания социальных энергий, неспособности желать, не иметь, но быть. *Деградация позитивистской модели науки и мировоззрения в целом проявляется через маниакальную аксиому следовать и принимать во внимание*

только то, что есть, то есть мыслить только само сущее как наличие, но никогда не допускается утопическая аксиома реальной политики: мыслить из того, что «может быть», подчиняя ему наличное «есть».

Современная ситуация властвования показывает неэффективность политической практики прямого влияния на общество, то есть ситуация носит постструктуральный характер, когда власть (принцип означающего) и массы (означаемое) полностью автономизированы друг от друга. Между ними не осталось даже произвольно-подвижной связи, по которой могла бы протянуться связующая нить коммуникации: стимул-реакция. Молчаливая масса как «черная дыра» проглатывает любые направленные на нее воздействия. Власти остается лишь симулировать себя и общество (в политологических концепциях гражданского общества) в культурно-идейном пространстве, то есть как вопрос, так и ответ, как действие, так и реакцию на него. В то время как власть остается структурированной знаково-идеологически, массы – референты оформились уже в постструктуральные, символические образования.

Собственно, сама современная либеральная демократия в условиях массового общества представляет собой реальность конца Идеологического Стиля, всеобщей политической нормы. Здесь перестают действовать универсальные ценности Модерна в ситуации тотальной «всеядности» и одновременно тотальной же «неусваиваемости» антагонистических ценностей, целей, идей при отсутствии универсальных критериев нормы/стиля Модерна. Победа толерантности, политкорректности, мультикультурализма, различных меньшинств над большинством, то есть «единичного над Единым», является победой пост-Модерновой «миноритарной» демократии над тотальностью Модерна, основанного на политической Норме¹.

¹ *Парамонов Б. Конец стиля. М., 1991. С. 1-7.*

С другой стороны, мультикультурализм, столь стройный в теории, легко перерождается на практике в этнонационализм и сепаратизм – свою проклятую сторону. Теория сосуществования рушится как только встает принципиальный вопрос о соотношении либеральной демократии и Другого (=Чужака/Врага). При этом главная иллюзия постмодернистов состоит в вере в мирное сосуществование различных систем ценностей путем отказа от универсальных критериев, которые скрепляют любой значимый диалог культур. Однако и постмодернизм не несет практического решения поставляемых им же дилемм и парадоксов, не порождает нового политического субъекта. Отсутствие политической нормы и иерархии приводит в реальной политике только к войне различий, борьбе всех против всех, партикуляризму и дроблению больших политических форм. Поэтому естественная гармония частных мнений и различий, их суммирование или снятие в логике пост-Модерна оказывается невозможным.

Ограниченная имманентным структура власти, присваивающая универсальную истину, сформировалась с появлением концепций естественного договора. Но в общественном договоре речь идет только об обеспечении посторонних интересов граждан, вне каких-либо трансцендентных, сакральных целей и миссий, помимо неявного «стремления к счастью». В результате политический режим начинает испытывать дефицит источников легитимности. При этом происходит выравнивание политических статусов и идентичностей политических субъектов в обмен на стабильность политической системы.

Другой – «ахиллесова пята» постмодернизма

Актуальная ситуация политического мышления характеризуется интуитивным предчувствием грядущего политического проекта, на который указывает пост-Модерн, с

его крайними формами скептицизма, нигилизма, декадентства, тотальной иронией и вторичностью, которые характерны для «последних времен». Поэтому, указывая на кризис Модерна, пост-Модерн не будет содержанием нового политического проекта, новой политической эпистемы, так как сам по себе он содержательно пуст, и эта очищающая пустота освобождает место для чего-то нового, Другого. Ключевой теоретический концепт пост-Модерна (Другой), возможно, так никогда и не обретет его в реальности. В целом проблема Другого является историческим преемником «идеального» онтологического означаемого, в роли которого уже выступали и дикари (Просвещение), и крестьяне (народничество), и пролетариат (марксизм), и население третьего мира (антиглобализм), и т.д.

Несомненно, этическая компонента проблемы Другого имеет на Западе большое значение, придавая через чувство вины высокую интенсивность обдумывания данной проблеме. Однако реальная материализация Другого приводит к краху этого утопического представления, когда оказывается, что Другой – эмигрант, беженец, фундаменталист и пр., при ближайшем рассмотрении вовсе не столь идеален и безобиден как это ему приписывается постмодернистами.

Проблема Другого, таким образом, неразрешима. Его возможность признается лишь затем, чтобы потом объявить злом и осуществить самоидентификацию от противоположного. Любое изменение господствующей системы ценностей трактуется как зло, и главным злом объявляется смерть. Соответственно, выстраивается манихейское видение мира, где зло отрицается в пользу добра. Но на самом деле можно отрицать лишь сам принцип этого деления, как Ф. Ницше в своей «генеалогии новой морали»¹, либо учитывать их вза-

¹ *Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.*

имное присутствие во всех вещах. С моральной точки зрения, зло отождествляемое с Другим, обнаруживает двойственность и относительность любых явлений. С другой стороны, моралью Просвещения и Модерна отождествляются добро и разум на основе системы ценностей, связанной с определенным типом рациональности, толерантности, демократии и т.д.

Подобная стерильная доброта Модерна переживает сегодня медленный период разложения. Например, развитые страны не могут противостоять терроризму по существу, то есть на идейном уровне, не имея универсальных общечеловеческих идей, которые могли бы стать эффективными вовне внутренней реальности их политических систем. Демократия потребления способна только перерабатывать Другого для собственных нужд, переводить на доступный сложившейся системе язык, то есть констатировать наличие Другого, потеряв способность приручить его, сделать «своим», тождественным себе.

Изживание зла (то есть Другого) ведет к тому, что разрастается «проклятая сторона вещей», зло начинает гнездиться в самих вещах. Причем чем активней изживается зло в пользу добра (путем замалчивания, инкорпорации, исключения, интерпретации), тем все более опасные и неизлечимые формы начинает принимать зло, угрожая, в конце концов, разрушить снаружи, извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое) доминирующий в глобальном плане западный политический универсум.

Критерием реальности угрозы служит то показательное обстоятельство, что открытие Другого то в одной, то в другой отрасли познания (психоанализ, лингвистика, культурология) оказывается столь неожиданным и болезненным для нормативного идеологического сознания, что оно уже не прикладывает естественных для культуры усилий, направленных на включение иного во внутренне содержание

системы. Другое впервые предстает как абсолютно иное, не только не включаемое в систему, но даже и не вступающее в коммуникацию с ней.

Сама по себе политическая система демократии – идеальная модель, связанная с полаганием определенных ценностей и целей. Их достижение происходит в ходе борьбы, диалога, торга с Другим на ценностном и практическом уровнях. Исключение из демократического дискурса того, что противостоит ему (диктатура, тирания, коммунизм) приводит к неустойчивости самой демократической системы, вследствие потери ориентиров, направляющих к идеальной цели. Поэтому Другой всегда включается в демократический порядок представлений в качестве контролируемого атрибута, необходимого для самоописания и целеполагания политической системы.

Особенность современной ситуации мышления состоит в том, что власть в целях своего воспроизводства и выживания просто симулирует Другого как «свое иное», причем оно стало обнаруживаться там, где его по сути не должно быть (да и реально не существует). Так обычные хулиганы становятся скинхедами (неонацистами), патриоты – фашистами, экологи – террористами, сексменьшинства оборачиваются борцами за права человека, любые бытовые явления легко обретают символично-политический контекст. При этом «инаковость» Другого не является различием, к которому его пытаются редуцировать посредством универсальных в рамках демократической системы критериев истины, ценности, смысла.

На самом деле бесконечная дифференциация иного является лишь способом удержания порядка универсального, в пределах которого она происходит и которое она утверждает. Дилемма в данном случае проста: с одной стороны, контроль над универсальными символами Другого, переводящий его во внутренний порядок дифференциации, с другой, признавая неподвластность символов Другого вне

себя, общество освобождается и начинает производить символически зло внутри себя, то есть у общества появляется способность к изменению и адаптации. Однако возникает резонный вопрос: возможно ли в принципе естественное сосуществование с Другим в рамках любой культуры, не связанное с попытками его уничтожить или включить в сферу своего влияния, переработать в собственных целях посредством универсального механизма дифференциации?

После Модерна из-за утраты универсальных культурных критериев происходит полная «индифферентизация» (то есть то, что противоположно *difference* – различию) политики. Безразличие к отличиям. С другой стороны, важны стали именно отличия сами по себе, а не то, к чему они относятся, выражают и на что они накладываются. Сущностное изменение сложившейся системы потребления невозможно изнутри этого «рая земного», поскольку она исчерпала свой внутренний потенциал возмущения. Реальный пересмотр фундаментальных ценностей Модерна может состояться только путем воздействия извне как природного, субъективно рефлекслируемого в «экологическом, террористическом, фундаменталистском, антиглобалистском дискурсах», так и культурного, необходимым этапом которого стала деконструкция и реверсия классической дихотомии Модерна норма/не-норма.

Пока же политика находится в промежуточном состоянии, когда «великие идеологии» дискредитированы, продолжая действовать по инерции в качестве симуляций. Отсутствие противостояний идеологического характера лишает политический Модерн внутренних координат, целей и содержания. Поэтому симуляция ценностных и фактических противоречий, провоцирование политической активности производится самой властью с целью артикуляции политического пространства вообще. Однако отсутствие истинных альтернатив ведет к поверхностной ней-

тральности знаков политического пространства, бросающих вызов смыслу, содержанию и глубине.

В условиях распада модернистского проекта материал для политической утопии начинает черпаться в «проклятой стороне Модерна». Все, вытесненное в свое время на периферию Модерна в угоду его тотальности, берет реванш. Но, являясь обратной стороной Модерна, пост-Модерн лишь переворачивает, но не снимает дуализма бинарных кодов, которыми оперировала модернистская политическая мысль. В итоге, патология и норма зачастую просто меняются местами.

Следовательно, пост-Модерн не может рассматриваться как реальная альтернатива Модерну, поскольку он не продуцирует собственной утопии (цели, ценностей, идеалов) и не порождает нового политического субъекта, не обладая способностью утверждать в политике универсальное и тотальное. «Либеральная демократия» будет деградировать, поскольку ничто так не препятствует профанизации, дискредитации и косности политических идей и идеалов как их отождествление с исторической реальностью. Пока еще никто из смертных не жил в «реальной утопии». Утопия лежит в основании «большой политики», но утопия «здесь и сейчас» может быть лишь политическим мифом.

После постмодернизма

Постмодернисты упорно обличали общество потребления, интеллектуальную традицию Просвещения (прогресс, панлогизм, рациональность, универсализм) и Модерн-Современность (классические идеологии и утопии). Начав как глобальный вызов Современности, он превратился позднее в интеллектуальную основу для множества теорий мелкого уровня, таких как мультикультурализм, феминизм, гендерный подход, теория идентичности, апология коллективных прав меньшинств и т.п. Состояние По-

стмодерна не породило значимых онтологических трансформаций современных обществ. Постмодерн не стал действительной заменой Современности-Модерна, слухи о смерти которой были преувеличены, представ *межеумочным* переходом к Большой Неизвестности, ожидающей в будущем все активнее трансформирующуюся миросистему.

Постмодернизм довел до логического края внутренние противоречия Современности, но не смог предложить ей системной альтернативы. Поэтому пост-Модерн остался критической культурной надстройкой над Современностью-Модерном, автономия которой от своего интеллектуального основания-источника невозможна. Конец Современности означает одновременно и конец паразитирующего на ней пост-Модерна.

Интеллектуальная стратегия постмодернизма в умеренном варианте строится на переворачивании базовых бинарных оппозиций Модерна, что должно было фиксировать их релятивный, а не абсолютный, научный, неангажированный характер. В концептуальном плане постмодернистский дискурс основан на открытии «истины» некой всеобщей бинарной оппозиции Модерна, где один ее член господствует над другим: система – жизненный мир (А. Шюц), сознание – бессознательное (З. Фрейд), капитал – наемный труд (К. Маркс), мировой центр – мировая периферия (И. Валлерстайн) и т.п. После открытия подобной асимметричной и несправедливой бинарной парадигмы следует закономерный вывод о необходимости освобождения подавляемого члена оппозиции. Таким образом, практика пост-Модерна обосновывается дискурсом освобождения. Однако чаще всего дискурс пост-Модерна просто перевертывает одну асимметричную оппозицию на противоположную, в результате «кто был ничем, тот становится всем» и наоборот. Поэтому исходная асимметрия бинарного кода в большинстве случаев сохраняется в неизменности. Более того,

не предлагая замены тотализирующей теории и практике Модерна, он превращается в интеллектуальный анархизм, которому может соответствовать только не менее разрушительная социальная практика.

В радикальном варианте постмодернизм строится на отрицании базового для Просвещения принципа мышления бинарными оппозициями: истина – ложь, добро – зло, красота – безобразие, друг – враг. Но в отличие от марксистской критики общества, предполагающей преобразование несправедливых экономических, политических, культурных принципов общества, постмодернизм не предлагает реальных (реалистичных) альтернатив. В силу этого не только падает убедительность и релевантность постмодернистской критики, но и происходит ее превращение в чистое отрицание, в антитезис, не оставляющий возможности для нового синтеза.

Это подтвердила и практика, когда принципы постмодернистских теорий, будучи действительно реализованы в практике, стали разрушать современные нации-государства, умножая конфликты, группы обделенных и недовольных, разделенные общности. Множественность социально-политических логик превратилась в анархию, разрушение социальных универсалий будь то государство, закон, нация, общество как таковое.

На условиях пост-Модерна оказалось невозможным создать площадку для нового общественного договора, для пост-Современного общества. Но поколебать общество Современное все же удалось. Постмодернизм не предлагает способов заставить различные социальные силы и конкретных индивидов отказаться от части суверенитета и уникальности в пользу всеобщего блага. В результате благие намерения постмодернистов в реальности обращаются в разрушение холистских структур, в войну всех против всех. Но внутри пост-Модерна существует запрет на холизм,

отождествляемый на уровне априорной морали с тоталитаризмом и порабощением. При этом конечный результат оказывается противоположным первоначальным намерениям: война всех против всех, ниспровержение универсалий, традиции и авторитетов приводит в финале к господству частного, к тотальному и всеобщему порабощению, к абсолютной несвободе.

Про́клятая, теневая сторона социальных процессов разрастается, так как они в условиях пост-Модерна не могут быть включены и рассмотрены с точки зрения всеобщего и универсального порядка, отождествляемого подозрительным постмодернистским дискурсом с властью. Причем любая власть, ее дискурсы и желания априорно оцениваются как негатив, зло. А поскольку по этой причине не образуется морально-нравственной противоположности, между властью и ее оппозиционными альтернативами (в политике, экономике, науке, искусстве) постмодернизм соответственно провозглашает тщетность усилий что-либо изменить в социальном или интеллигибельном мире. Власть вечна, и она пронизывает все, что бы мы не предпринимали. Отсюда проистекает постмодернистский фатализм относительно перспектив что-то изменить в социальном мире.

Таким образом, постмодернизм, провоцируя множасьщиеся конфликты все более мелких и ограниченных человеческих идентичностей (этносы, адепты разных конфессий, иммигранты, сексуальные и религиозные меньшинства), не знает, как их в итоге разрешить, поскольку не обладает универсализующими критериями и обобщающими практиками. Соответственно он не может дать какой-либо основы для справедливой иерархии этих «назначенных», «присвоенных» и «воображаемых» идентичностей в новом универсальном пространстве. Таким образом, постмодернизм странным образом оказывается до-Модерном и до-Просвещением. Регресс

очевиден: универсалии Модерна дискредитированы, а взамен ничего более эгалитарного и справедливого не предложено.

**Общество потребления:
реванш «проклятой стороны Модерна»**

Особенность современной ситуации мышления связана с тем, что концепт потребительского общества смог объединить на внеполитической основе социальные группы и субкультуры с различными системами политических ценностей. Проблема заключается в крепости этого союза, обеспеченного благосостоянием, его идейной глубине (насколько сильно он затрагивает традиционные социальные границы, способен ли он их преодолеть) и универсальности (можно ли будет соблазнить им незападные цивилизации как великой целью). Исчезли внутренние идеологические полюсы, а вместе с ними и противоречия на уровне парадигм. Исчезновение для политической системы демократии внеположных ей самой целей, то есть значимых идеологических альтернатив, приводит к необходимости трансцендировать самое себя. Если цель ничто, или же предполагается в общем и целом достигнутой, что по сути одно и то же, то внимание обращается на само движение, развитие, изменение, на трансценденцию именно этой функции.

Проблема здесь заключается в том, что ускорение темпов роста как конечная цель уже не оправдывает превосходящих прирост трудовых и экологических затрат – такова аксиома концепции «пределов роста»¹. Если брать в расчет показатели преступности, загрязнения окружающей среды, уровня и доступности образования и здравоохранения и т.п., то разрыв между приростом ВВП и повседневной жизнью граждан лишь увеличивается,

¹ *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. и др. Пределы роста. М., 1991; Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. М., 1994.*